

О ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВ РАЗВИТИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ

В статье прослежена идейная борьба в Чехословакии после поражения Пражской весны. Проанализирован феномен чехословацкого оппозиционного движения после августа 1968 г. и определены векторы его идейных разломов. Клинч социалистов-нормализаторов и оппозиционеров – приверженцев идеи “социализма с человеческим лицом” – побуждал искать новые формы протеста уже не в рамках социалистической парадигмы, а в контексте диссидентского движения с его “неполитической политикой”.

Ключевые слова: Пражская весна, “социализм с человеческим лицом”, “режим нормализации”, оппозиционное движение, диссидентство, “неполитическая политика”, плюрализм, еврокоммунизм.

Идейная борьба в Чехословакии после крушения Пражской весны не только не прекратилась, но по многим направлениям резко интенсифицировалась. Социализм с человеческим лицом, или демократический социализм, как антитеза советской модели – эти идеи Пражской весны даже после ее крушения интеллектуально инспирировали дальнейший поиск противниками утверждавшегося “режима нормализации” выхода страны из кризиса по целой палитре направлений. Властная элита этому могла противопоставить лишь одно – идею “нормализаторского” социализма. И все же любые идеи надо было соотносить с реалиями и перспективами их изменений, а это не внушало особого оптимизма. А главное – пришло время помещать дискуссии о судьбах социализма в стране, что в то время являлось и дискуссией о судьбах самой страны, в более широкие идейные контексты.

Весьма примечательной в этом отношении явилась развернувшаяся в чехословацкой печати на рубеже 1968-1969 годов полемика писателя Милана Кундеры и драматурга Вацлава Гавела, последовательно не принимавших “нормализацию”. Эта полемика – вольно или невольно – стала той матрицей, по которой во многом проходила дифференциация идейных установок чехословацкой оппозиции в годы “режима нормализации”. Она предвосхитила идейные разломы в чехословацком оппозиционном движении в более отдаленной перспективе, когда клинч социалистов-нормализаторов и оппозиционеров, приверженцев идеи социализма с человеческим лицом, побуждал искать новые формы протеста, но уже не в рамках социалистической парадигмы.

Данная полемика (и в первую очередь размышления Кундеры) помимо этого указывала на тесную взаимосвязь чехословацкого кризиса с идеологическими выражениями западноевропейских коммунистов, которые декларировали отход от авторитарных левых, ориентировавшихся на советский опыт, и уже с конца 1960-х годов демонстрировали серьезное смещение идеологических постулатов к социал-демократическому центризму*.

Надо сказать, что размышления Кундеры весьма любопытны в контексте диверсификации социалистической доктрины не только после поражения Пражской весны; они по-прежнему актуальны, получив “второе дыхание” в дни “тотального” отторжения социализма. Подтверждение этому – перепечатка в чешской печати почти сорок лет спустя, в декабре 2007 года, трех эссе Кундеры и Гавела, которая побудила современных чешских (и не только чешских) историков, политологов, философов, публицистов и политических деятелей высказать свои соображения по этому поводу**. Проходившая в течение всего 2008 г. в

* Рецепция идеологием Пражской весны умеренно-реформистским течением, получившим наименование еврокоммунизм – тема отдельного исследования. Здесь отметим, что в основу будущего еврокоммунизма были положены идейные позиции Итальянской и Французской коммунистических партий, активно выступавших в 1968 г. против вмешательства стран “советского блока” в чехословацкие события. Впервые официально о своих взглядах еврокоммунисты заявили на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Берлине 29-30 июня 1976 г. В 1977 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Испании С. Каррильо выпустил в свет теоретическую работу “Еврокоммунизм и государство”, в которой развил главные постулаты коммунистического реформизма в относительно цельную доктрину. Чехословацкие эмигранты, вынужденно покинувшие страну после 1968 г., также пытались внести свою лепту в теоретические разработки (например, З. Гейзлар в изданной в ФРГ книге “Реформный коммунизм в Чехословакии в 60-х годах”, З. Млынарж и др.). В написанной бывшим шеф-редактором запрещенного журнала “Репортер” И. Гохманом книге “Еврокоммунизм” (опубликована в США) получили освещение идеи “третьего пути”, призванные оптимально решить вопросы развития человечества. Отмечалось также, что положения еврокоммунизма переняли некоторые западные компартии, включившие их в свои программные документы. В связи с этим говорилось и об обнадеживающих перспективах приверженцев демократического социализма, считавшихся в ЧССР “сторонниками ревизионизма и правого оппортунизма”. С ними связывалось и “возвращение в Европу”, которое “прекратит незаконную оккупацию Чехословакии”. См.: [1, с. 166-169].

** В дискуссии приняли участие: Якуб Паточка, Я. Стржитецкий, П. Едличка, Л. Новы, Я. Шабата, М. Барта, Э. Кантуркова, М. Кусы, П. Махонин, И. Штампах, П. Эйхлер, Я. Шиха, Т. Фишера, И. Силны, Я. Прохазка, И. Динстбир, К. Грубы, П. Хмел, Я. Трефулка, А. Вагнерова, И. Пега, Ж. Рупник, Р. Сикора, М. Гавелка, А. Климент, Р. Каливода, Т. Врба, Л. Елинек и др. [см.: 2]

чешской печати дискуссия, показала, что Кундера и Гавел затронули болевые точки, связанные не только с прошлым чешского общества, но и с его будущим.

В чем же суть этой полемики? В декабре 1968 г. Кундера опубликовал эссе “Чешская доля” (Český úděl). В нем он утверждал, что в Чехословакии была предпринята “попытка создать наконец-то (и впервые в его мировой истории) социализм без всемогущества тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, с общественным мнением, которое выслушивается, и с политикой, которая на нем базируется, со свободно развивающейся современной культурой и с людьми, у которых исчез страх”. По его словам, это попытка, благодаря которой “чехи и словаки впервые с конца средневековья оказались снова в центре всемирной истории и адресовали свой призыв человечеству” [3].

Каким виделся Кундере смысл чехословацкого призыва? Он заключался в следующем: “показать, какие безграничные демократические возможности остаются до сих пор неиспользованными в социалистическом общественном проекте, и доказать, что эти возможности можно развить лишь в случае полного освобождения начал политической самобытности отдельного народа. Этот чехословацкий призыв по-прежнему сохраняет силу”.

“Новая политика”, то есть практика социализма с человеческим лицом, по его словам, этот “ужасный конфликт выдержала”. Хотя она и уступила, но “не распалась, не рухнула”: именно в этом Кундера видел “огромную надежду для будущего”, утверждая, что “значение чехословацкой осени, возможно, даже превосходит значение чехословацкой весны” [3]. Итак, чешская доля и миссия Чехословакии – спасение идеи социализма, придание ему человеческого лица – такова спрямленная логика выступления Кундеры.

Позицию Кундеры жесткой критике подверг Гавел в эссе “Чешская доля?” (февраль 1969 г., опубликовано в апреле 1969 г.). Он писал: “Действительно, если мы будем внушать себе, что страна, которая хотела ввести свободу слова – то есть то, что в большинстве цивилизованного мира является само собой разумеющимся – и которая хотела положить конец своеволию тайной полиции, благодаря именно этому оказалась в центре всемирной истории, мы, во всей своей серьезности, предстанем по сути никем иным как самовлюбленными простаками, смешными своим провинциальным мессианизмом!”.

“Свобода и законность, – продолжал Гавел, – являются первейшим условием нормального и здорового функционирования общественного организма; если же какое-то государство после длительного периода отсутствия таковых попытается их восстановить, оно не делает ничего исторически грандиозного, а просто стремится устранить собственные ненормальности, то есть нормализоваться”. Надо отметить, что данное слово было сказано вскользь еще в ходе кремлевских переговоров в августе 1968 г., но, по иронии судьбы, оно стало ключевым у оппонентов Гавела позже. Гавел утверждал, что завоевания Пражской весны (отмена цензуры, индивидуальная и коллективная свободы) всего лишь снова возродили к жизни то, что уже существовало в Чехословакии тридцать лет тому назад и что является базовой ценностью “в большинстве цивилизованного мира” [4]. Из логики его эссе следовало, что не социализм (изнутри), а приверженность ценностям этого большинства (извне) детерминирует будущее страны.

В ответном эссе “Радикализм и эксгибиционизм” (начало 1969 г.) Кундера отметил, что Гавел выступает с позиций “внешнего наблюдателя”, а “ни в коей мере не как активный участник реформаторского движения”. Он указал, что Гавел воспринимал “шестьдесят восьмой год всего лишь как незначительное локальное событие”. Именно поэтому все послеянварское развитие с неизбежностью представлялось Гавелу всего лишь “пронизанным покаянием и признанием вины, возвратом ненормального мира к некоей базовой нормальности” [5].

Между тем Кундера полагал: “Мы [в 1968 году] сделали это сами для себя, но все же дело касалось не только нас, поскольку оно заключало в себе – хотели мы того или нет – значимость прецедента и призыва. Независимо от того, удалось нам это или не удалось, был этот шаг уверенным или неуверенным – *мы шагнули в центр всемирной истории* [курсив в оригинале – Э.З.]”.

Кундера приводит оценки Пражской весны, прозвучавшие из уст В. Гавела и Г. Гусака, делая неожиданный вывод из их сравнения: “Конечно, Гусак и Гавел исходят из различных отправных пунктов, однако их взгляды тем не менее сходны. И Гусак, несомненно, согласился бы с тем, что в ходе январского процесса речь шла (или должна была идти) исключительно о *нормализованности*, т.е. об устранении так называемых деформаций и ошибок из якобы в целом совершенно *нормального* социализма. Только где рядом с нами существует нормальный социализм, где и когда существовал социализм демократический и свободный? (А когда его попытались ввести в Югославии, разве не были эти попытки именно поэтому названы уклоном и “ненормальностью”?). “Ничего иного, – продолжает Кундера, – не остается нашему социализму, коль скоро он должен добиться свободы и демократии, *не остается ему ничего иного* [курсив в оригинале – Э.З.], как создать “свободу и демократию, каких мир не видел”. Это не “напыщенная иллюзия” (Гавел), не “романтические фантазии” (Гусак); как раз наоборот, это – вывод из абсолютно трезвого видения мира таковым, каков он есть”.

Кундера упрекал Гавела в том, что тот строит иллюзии относительно “большинства цивилизованного мира”, считая именно его некоей “империей нормальности”, к которой “нам достаточно только присоединиться”. “Слово *нормальный*, – пишет Кундера, как раз не относится к самым точным понятиям, но оно является любимым словом Гавела, конечно же: можно договориться, что нормальным является, скажем, свобода печати. Но это только абстрактный принцип, который в своем конкретном воплощении может означать “в большинстве цивилизованного мира” и нечто весьма ненормальное (лишающее человеческое облика, оглуляющее): власть коммерческих интересов и коммерческой выгоды. Свобода прессы в том

виде, в каком мы начали ее реализацию прошлым летом в социалистическом государстве, явилась по своей значимости, содержанию, структуре и функции *новым общественным явлением*. Здесь не пришлось ничего копировать, не было абсолютно никакой нормы, к которой можно было бы обратиться, надо было все создавать самостоятельно и *по-новому*. Именно поэтому всемирная мировая левица должна была (зачастую путем драматических расколов) на примере чехословацких событий также осознать свою политику, ее смысл и цель абсолютно *по-новому* [курсив в оригинале – Э.З.]”.

Кундера обозначил три условия победы “радикального фронта” в Чехословакии: во-первых, он обязан “воспринимать сегодняшнюю ситуацию в самом широком планетарном и историческом контексте и создать разработанную концепцию нашего *чехословацкого потенциала*, т.е. придать ей теоретический фундамент и освободить от ненужных импровизаций”; во-вторых, “он должен понять, что этот чехословацкий потенциал реализуем лишь при поддержке мировой антисталинистской левицы и что эту поддержку мы можем получить только в том случае, если не будет проигнорировано его *всемирное значение* и весомость (в противном случае над нашей борьбой сомкнутся воды, как это происходило в другие трагические эпизоды истории); в-третьих, несмотря на отступление после августа, “чехословацкий потенциал *не был сокрушен*” и “следует продумать рациональный подход (политику) с целью предотвращения реакционного (неосталинистского) поворота и обеспечить шаг за шагом реализацию уже получившего признание чехословацкого потенциала [курсив в оригинале – Э.З.]” [5].

Таким образом, Кундера утверждал: несмотря на поражение, Пражская весна имела общемировое значение в качестве первой попытки соединения социализма и демократии, выходящей за рамки господствующих систем как Востока, так и Запада. То есть, по сути им подразумевалась возможность новых импульсов цивилизационного развития, жесткое сдерживание которых на тот момент не означает их полного уничтожения.

На то, что точка в этом споре так и не была поставлена, указал в 1993 г. К. Косик в эссе “Пражская весна”. В нем современность характеризуется как эпоха разыгравшегося субъективизма, в рамках которого бывший субъект – человек, все больше связывается силами формируемой системы и становится ее пленником и объектом. “Но в момент, – пишет Косик, – когда становится ясно, что нынешний победивший капитализм точно так же, как и обанкротившийся “реалсоциализм”, произрастают из одного источника – из парадигмы современной эпохи и ее “конца” – обнаруживается истинный смысл Пражской весны. Она поставила вопросительный (и восклицательный знак) над легитимностью “реалсоциализма” и вместе с тем в своих ключевых моментах, акциях, идеях выразила сомнение в истинности парадигмы современной эпохи в целом в обоих ее вариантах... Пражская весна не стала напрасной попыткой “третьего пути”, обреченной на гибель, неудачу и забвение; она продолжается как проблеск и предчувствие единственного пути, который может спасти человечество от глобальной катастрофы, как робкий намек воображения (imaginase), из которого когда-нибудь сможет зародиться новая парадигма” [цит. по: 6]*.

В целом вышеприведенную интеллектуальную полемику можно представить как противостояние сторонника западной либеральной демократии, видевшего именно в ее ценностях возврат к “нормальности” (драматург Гавел), и приверженца идеи нового общественного строя – той “свободы, которую мир еще не знал” (писатель Кундера).

Рассмотрим некоторые проекции данной полемики на начальный этап чехословацкого антинормализационного движения. Прежде всего следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии сложились достаточно устойчивые (с незначительными отклонениями) хронологические маркеры чехословацкого оппозиционного движения. В принципе его историю предельно схематично можно представить в виде своеобразной параболы. На точке первого его взлета (21-22 августа 1968 г.) были мощные протестные движения против ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора и работа XIV Высочанского съезда КПЧ, а на точке второго – день массовых манифестаций (17 ноября 1989 г.), положивших конец “режиму нормализации”, а затем и социализму. В данной параболе, в свою очередь, можно выделить пять сегментов (этапов) [детальный анализ см.: 1]. В контексте размышлений Кундеры интерес представляет второй этап чехословацкого антинормализационного движения, то есть период с апреля 1969 г. по декабрь 1972 г.

Серьезная публичная реакция протестной части общества на “режим нормализации” в указанный период относится к середине августа 1969 г. Это Манифест “Десять пунктов”, символически датированный 21 августа 1969 г. Его можно назвать и попыткой диалога несогласных с властью предержавцами, поскольку Манифест адресовался федеральному правительству, Федеральному собранию ЧССР, Чешскому национальному совету, правительству Чешской Социалистической республики и ЦК КПЧ. Документ подписали 10 человек – представители различных идейных и политических ориентаций (в их числе: члены КПЧ и беспартийные), что, разумеется, не могло не отразиться на содержании и самого документа. Подписавшие его Р. Баттек, Л. Пахман, Й. Тесарж, Л. Кинцл, Л. Когоут, М. Лакатош, И. Непраш, Й. Вагнер, Л. Вацулик, В. Гавел со всей определенностью заявили, что они не желают обращаться к нелегальным

---

*К. Косик, отреагировавший на полемику Кундера-Гавел, в частности, отмечал в 1969 г.: “Общество, которое появилось бы на свет из “чехословацкой весны”, не должно и не хотело быть всего лишь “нормально и здраво функционирующим общественным организмом”, а истинным социалистическим обществом, отрицающим как капитализм, так и сталинизм”. См.: [7]

методам борьбы. Манифест осуждал Московский протокол, а присутствие иностранных войск в стране квалифицировал как “источник беспокойства”^{*}.

Его авторы заявили об отказе от советской модели социализма, но не от социалистической идеи как таковой. Они объявили себя сторонниками Программы действий КПЧ и процесса обновления, которые расценивались в документе как серьезная попытка соединения социализма и демократии.

В преамбуле документа констатировалось: в 1968 году опасность угрожала не социализму, а положению тех, кто деформировал его в течение двадцати лет, то есть в латентном виде содержалась позиция Кундеры. Но что такое “социализм” в трактовке авторов Манифеста? Это социализм “демократический и гуманный”, “социализм с человеческим лицом”; это – не приказы, ограничения и нищета. Социализм “может предоставить народам все традиционные свободы, завоеванные в предшествующих революциях, и на этой основе создать общество более развитое не только в экономическом, но и нравственном отношении”. “Наши стремления, – говорилось в документе, – не расходились с давними идеалами социалистического движения, которые ставили во главу угла право на свободу народа и человека, отрицали сверхдержавное насилие, тайную дипломатию и кулуарную политику”. И далее: “Мы выступаем за такую форму социализма, которая может иметь успех в развитых странах и стремимся к его очищению от тех черт, которые придает ему слой сектантов-догматиков, властолюбивых карьеристов”. Таким образом, Манифест, как и апрельская Программа действий КПЧ, пронизан идеей обновления социализма.

Вместе с тем он представляет собой шаг вперед по сравнению с Программой действий, поскольку в нем отрицалась руководящая роль КПЧ в обществе: “Мы не признаем роли коммунистической партии как органа власти, ее возвышения над государственными органами, ответственными перед всем народом”. “Возвышение партийности над гражданственностью, – утверждалось в нем, – является нелепостью и мы настаиваем на том, что коммунистическая партия может завоевать ведущую роль в обществе только в результате его доверия и убедительной реализации того, в чем это общество более всего нуждается. Отношения между политическими партиями в Национальном фронте могут быть только партнерскими” [1, с.315]. В Манифесте признавалась ведущая роль компартии только в случае, если она заслужит доверие общества, функционирование же Национального фронта допускалось лишь на основе плюрализма и равенства партнеров.

Это, конечно же, свидетельство компромиссного характера подписавших Манифест индивидуалов-протестантов, которые, как уже указывалось, решились на диалог с “режимом нормализации”. Они требовали от государственных органов начать переговоры о выводе иностранных войск, пересмотреть результаты “чисток” после апреля 1969 г., отменить запрет на деятельность гражданских структур, ликвидировать цензуру.

Одной из главных по рангу считалась проблема выборов в высшие и местные органы государственной власти в соответствии с таким избирательным законом, который будет способствовать совершенствованию социалистической демократии. “В законе, – говорилось в документе, – должно отражаться право петиционных комитетов граждан выдвигать собственных кандидатов, а также способ отзыва их со своих постов. Выборы, которые будут походить на выборы предшествующего периода, мы заранее отвергаем и участия в них принимать не будем”. Этим пассажем Манифест обозначил отношение оппозиции к предстоявшим в ноябре 1971 г. выборам в высшие законодательные органы государственной власти.

В документе нашла отражение и проблема федеративного устройства государства с предостережением против формального подхода к решению этой сложной задачи. В экономической сфере выражена попытка вернуться к идеям Пражской весны, а именно – требование принятия Закона о социалистическом предприятии, в котором разработан механизм принятия решений: производственные вопросы передавались в ведение специалистов, а рабочие могли оказывать влияние на распределение прибыли и капиталовложений. Все вышеприведенные положения Манифеста латентно укладывались в ожидания Кундеры относительно жизнеспособности идей социализма.

Важнейшее положение Манифеста – требование ратификации и реализации международных конвенций по правам человека, которые Чехословакия подписала в октябре 1968 года (заметим, что это произошло за шесть лет до того, когда они стали частью преамбулы Хартии 77). Поэтому можно утверждать, что уже в середине 1969 г. Манифест “Десять пунктов” определил главные тенденции развития чехословацкого антинормализационного движения в перспективе, когда акцент ставился на правах человека на основе существующих законов (и в этом столь же латентно содержалась позиция Гавела). В целом же Манифест впервые – в рамках стран образования, которое именовалось социалистической системой – обратил внимание на проблематику гражданских прав и выразил сомнение в соблюдении “режимом нормализации” законов, не отрицая при этом сам режим как таковой.

Новым даже не в тактике, а в стратегии оппозиционного движения (опять же в рамках соцсистемы) явилось то, что для достижения своих целей авторы Манифеста планировали использовать средства и методы протеста, допустимые в рамках уже существующих в социалистической Чехословакии законов. “И в условиях отсутствия политической свободы, – подчеркивалось в Манифесте, – цивилизованный народ может противостоять тем, что практическими действиями неополитического характера будет отстаивать свой стиль жизни, свою жизненную философию, свой характер”. В этих формулировках известный чешский историк М. Отагал совершенно справедливо обнаружил зародыши “неполитической политики” [по-

^{*} В русском переводе впервые опубликован [1, с.314]

дробнее см.: 8; 9], которая являлась характерным подходом определенной части антинормализационного движения – диссидентства – к решению актуальных проблем общества в более поздний период.

Любопытно, что ранее идеи в подобном русле* высказывал экс-коммунист, бывший член ЦК КПЧ Я. Шабата, в будущем один из основателей нелегальной оппозиционной структуры – Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ). “Есть только одно, – утверждал он еще в январе 1969 года, – радикальное решение: избавиться от политики. Поэтому представление об обществе, которым правят моральные принципы, непременно связано с проектом общества, организованного неapolитически [курсив мой – Э.З.]. Движение, которое борется за это, – самое радикальное политическое освободительное движение...”. Шабата, а несколько позднее Манифест, следовательно, отразили идейную установку, ставшую в дальнейшем доминирующей в рамках уже диссидентского движения в Чехословакии и давшей впоследствии название программе “неполитической политики”.

Таким образом, уже в середине 1969 г. наметились возможные тенденции развития антинормализационного движения в будущем, а в Манифесте – как и ранее в полемике Гавел-Кундера – был запрограммирован идейный раскол оппозиции, задававший новые векторы протестному движению.

Но имелись и существенные различия. Так, в отличие от полемики, которая носила скорее теоретико-стратегический характер, Манифест пронизан поисками конкретных тактических шагов – возможного перехода от “политической политики” периода Пражской весны к “неполитической политике”.

Манифест вызвал неоднозначную реакцию. Так, представители радикальных левых студентов называли авторов “Десяти пунктов” либерально настроенной партийной интеллигенцией, выражающейся языком газеты “*Literární listy*” из “безвозвратно ушедшего 1968 года”. Стержнем этой критики и пунктом расхождения стало отношение к “режиму нормализации”. По мнению студентов, с ним уже нельзя идти на диалог, его надо радикально отвергнуть и вести против него борьбу. Они утверждали, что подписавшие Манифест заняли по отношению к режиму конформистскую позицию, так как стремились “действовать конструктивно и вести политическую борьбу в рамках институтов” [11, р.33]. Часть левоориентированных студентов даже называла Манифест вариантом сталинско-бюрократической системы. Разумеется, это был голос далеко не всего студенчества.

Авторы Манифеста, как уже отмечалось, символически датировали документ 21 августа 1969 г., предлагая тем самым “властным” альтернативный путь выхода из кризиса в режиме возможного диалога с ними. Сверхзадача данного документа, как представляется, состояла еще и в попытке предотвратить драматические последствия планировавшихся на этот день протестной частью общества выступлений против пришедшего к власти в апреле 1969 г. нового партийного руководства [подробнее см.: 12]. Оно планировало укреплять свои позиции лишь с использованием насилия и приготовилось вести борьбу с политическими противниками не политическими, а исключительно административными и силовыми методами.

Подавление демонстрантов в годовщину августовских событий 1969 г., по мнению чешского историка О. Фелцмана, завершило легальную стадию активизации гражданского общества, положило конец попыткам истинной демократизации общественных отношений. Это стало “неким символическим ключом, запирающим общество в длительную двадцатилетнюю нормализаторскую летаргию. Разбуженный страх эффективно деполитизировал общество” [13, s.75; 14].

С учетом самого разного рода факторов линия на подавление оппозиционного движения в Чехословакии выглядела безальтернативной. В ходе ее осуществления действия “режима нормализации” отличались завидной оперативностью. Усилилось давление на рабочие советы, последовали запреты на деятельность организационных гражданских структур (Координационный комитет творческих союзов, Общество прав человека, Союз студентов вузов и др.). С этого момента становилось очевидным, что оппозиционная деятельность внутри легальных структур невозможна, а ряд активистов приступил к подготовке к переходу на нелегальное положение. КПЧ стала основным агентом процессов “нормализации”, а в рамках оппозиции начали формироваться полулегальные и даже нелегальные структуры. Это отразилось на ходе идейной дифференциации, задававшей новые векторы протестному движению в стране.

Центр тяжести противостояния после прихода к власти нового руководства во главе с Г. Гусаком сместился к организованным протестным структурам нового вида. Они уже не признавали “режим нормализации”, отказавшись от попыток диалога с ним, адресатами их программных призывов становились сами граждане. Эти группы могли действовать в основном на нелегальной основе.

Первой относительно крупной организационно оформленной антинормализационной структурой** явилось Движение революционной молодежи (ДРМ, иногда оно в целях конспирации называлось Революционная социалистическая партия Чехословакии – РСПЧ) [16, с.231-235]. В идейном плане ДРМ, которое возглавил П.Ул, находилось под влиянием идей “новой левой” на Западе и троцкизма. Программные документы ДРМ пронизаны пафосом отрицания и сталинизма, и Пражской весны, и “режима нормализации”.

---

*В совершенно иных условиях – контексте второй половины XIX – начала XX века – идеями “неполитической политики” как в теории, так и на практике руководствовался, к примеру, Т.Г. Масарик, а еще ранее их декларировал К.Г. Боровский [см.: 10]. Эти же идеи высказывались и другими видными мыслителями, в частности, М.П. Драгомановым.

** “Малые формы” организованного сопротивления режиму отслежены в: [15].

ции". Главная цель ДРМ – антибюрократическая революция, формирование новой системы, которая должна была базироваться на самоуправлении.

Не удивительно, что на ДРМ обрушились мощные репрессии. В декабре 1969 г. члены ДРМ были арестованы, их процесс стал первым политическим процессом после прихода к власти Г. Гусака. П. Ула приговорили к 4,5 годам лишения свободы.

Казалось бы, попытки идейных противостояний протестной части общества с “режимом нормализации” пресечены раз и навсегда. Тем более что в декабре 1970 г. ЦК КПЧ принимает документ “Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ”, явившийся идеологическим обоснованием “режима нормализации”, то есть того “социализма”, от которого как раз и пытались отказаться в период Пражской весны. Но именно в это время – и это следует подчеркнуть особо – появляются программные документы чехословацкой политической оппозиции, которая именovala себя социалистической. И это, конечно же, не было случайностью. Они, как представляется, явились во-первых, своеобразным вызовом “Урокам...”, поскольку декларировали альтернативные “нормализаторскому” социализму модели развития общества в рамках социалистической парадигмы. Во-вторых, в некоторых из них обозначился тренд в сторону поиска “третьего пути”, то есть, если вспомнить слова Кундеры – поиска той “свободы, которой мир еще не знал”.

Однако подобная диверсификация социалистической идеи стала приравняться “режимом нормализации” к идеологической диверсии. В результате на протестантов обрушились мощные репрессии вряд ли соразмерные с возможным ущербом от их деятельности. Итог – отождествление любого “ненормализаторского” социализма с социальной деструктивностью.

Доминировавшая в этот период в Чехословакии социалистическая оппозиция являла собой некое поле сражений с “нормализаторским социализмом”, сражений, без которых перспективы других разновидностей оппозиции выглядели крайне туманными. Одной из ее составных частей являлось Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ). Это экс-коммунисты, или “партия исключенных”, как они сами себя называли. Лидеры СДЧГ – Ярослав Шабата, Милан Гюбл, Ян Тесарж.

Второе течение представляло Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС) – группа бывших членов Чехословацкой социалистической партии (до февраля 1948 г. – Чехословацкая национально-социалистическая партия) в Брно (брненские социалисты). Лидеры ЧДДС – Милан Шилган, Ярослав Мезник, Петер Вурм.

В своих программных документах СДЧГ и ЧДДС декларировали приверженность социализму, но, во-первых, не в его “нормализаторском” виде, а во-вторых, трактовали социалистическую идею по-разному.

Позиция экс-коммунистов представлена в “Малой программе действий СДЧГ”*, которая появилась в самом начале 1971 года (январь-февраль). Авторы документа, в отличие, скажем, от ДРМ, позиционировали себя преемниками послеянварского движения за демократическое возрождение социализма и Программы действий КПЧ, то есть “новой демократической модели социализма, отвечающей чехословацким условиям...”. Генеральная политическая ориентация СДЧГ – “борьба за социалистическую альтернативу господствующему социализму “бюрократических аппаратов”***”.

Самой мощной в количественном отношении и “компактной составной частью социалистической оппозиции” в документе названы коммунисты, “то есть та часть коммунистического движения, которая в официальной сектантской и догматической терминологии именуется “правыми”. Это десятки тысяч исключенных функционеров и сотни тысяч бывших членов партии, а также определенная часть членов и функционеров Коммунистической партии Чехословакии, которые прошли “проверку”. Важной моральной и политической опорой этой части левой оппозиции является *тождественность их взглядов со взглядами видных сил международного коммунистического движения* [курсив мой – Э.З.]; в определенном отношении (например, оценка ввода войск в ЧССР) это те силы, которые составляют *большинство* [выделено в оригинале – Э.З.] мирового коммунистического движения. Ядро этой группы сохранило четкое понимание прогрессивных целей послеянварской политики и самосознание, которое вытекает из убеждения о легитимности их политических устремлений: они – органические преемники идеологии послеянварского движения возрождения” [17, s.212-213]. Указание на “тождественность взглядов” с международным коммунистическим движением не случайна, поскольку СДЧГ одним из важнейших и сложнейших аспектов объединения оппозиции считала международный аспект. “Первая и главная тактическая цель, – отмечается в программе, – должна заключаться в том, чтобы *левая* [выделено в оригинале – Э.З.] оппозиция в Чехословакии получила поддержку (“признание”) западноевропейских левых; чтобы партийная (коммунистическая) оппозиция в стране получила такое же признание со стороны западноевропейских коммунистов. В этом направлении нужно добиваться и максимально скромных успехов (ходатайство в пользу чехословацких коммунистов на самых разных уровнях, информация в коммунистической прессе, открытые проявления солидарности). Непосредственно принять во внимание международный аспект возможных акций в связи с предстоящим съездом КПЧ, но по возможности и в связи со съездом КПСС (“вовлечение” в дискуссию накануне двух съездов; соединение двух этих моментов)” [17, s.222].

*Детальный анализ программных установок СДЧГ см.: [16, с.238-241].

**Копия третьей версии документа на чешском языке любезно предоставлена автору известным чешским историком Миланом Отагалом. Версию программы в немецком и английском переводах см.: [11; 18, s.133-150].

Екс-коммунисты считали необходимым сотрудничество с социалистами некоммунистической (нема-рксистской) ориентации [17, s.214]. Как отмечалось в документе, сотрудничество со всеми этими течениями следует считать необходимой предпосылкой развития нового политического авангарда. Настоятельно подчеркивалось, что “коммунистов и социалистов объединяет борьба за демократический социализм, то есть их объединяет противостояние бюрократическому социализму”. “Разрыв отношений между коммунистами и социалистами, – говорится в документе, – существующий в течение многих лет, неизбежно привел к тому, что в социалистическом обществе четко оформились новые некоммунистические и немарксистские оппозиционные течения. Хотя они являются преемниками традиционных идеологическо-политических образований, как национальный или демократический (социал-демократический) социализм, масариковский реализм или христианское социальное учение (левый католицизм, Движение за обновление церковного собора), но по своей эпохальной политической функции во многом выходят за рамки подобных традиционных образований” [17, s.215].

Помимо идейных разработок СДЧГ уделяла большое внимание организационным моментам деятельности движения.

Примерно с середины 1970 г. СДЧГ установила контакты с брненскими социалистами, а в начале 1971 г. передала им для ознакомления свою “Малую программу действий СДЧГ”. Лидеры ЧДДС должны были высказать по документу свои замечания и предложения. Большая часть социалистов выразила несогласие с рядом пунктов программы экс-коммунистов. П. Вурм провел корректировку документа, а в середине 1971 появляется принципиально новый документ – “Малая программа действий ЧДДС” *, которая была передана пражской группе экс-коммунистов – М. Гюблу и Я. Тесаржу.

Документ состоит из трех разделов. Первый из них “Необходимость, генезис и политический профиль объединенной социалистической оппозиции” (с подзаголовком “Памятка к дискуссиям некоторых инициативных групп о возможностях формирования объединенного авангардного социалистического движения в Чехословакии”) включал семь частей: послеянварское развитие; новая ситуация; о необходимости авангарда; отторжение режима; барьеры внутри социалистической оппозиции; потенциальная база оппозиционных сил; формирование объединенного авангарда.

Во главу угла социалисты, в отличие от экс-коммунистов, ставили “радикальное устранение режима”. В связи с этим “Малая программа действий ЧДДС” отдавала дань Пражской весне, оценивая ее как “один из периодов, достойных того, чтобы сегодняшняя социалистическая оппозиция опиралась на него”, – но не более того. Социалисты указали на “слабые стороны, ошибки и иллюзии” Пражской весны, считая именно их “непосредственным источником” всех своих принципиальных размышлений. Более того, ЧДДС ставила в вину лидерам Пражской весны, что чехословацкое послеянварское движение “не сумело стать антибюрократической революцией”. По данной причине оно не смогло объединить на новой основе все решающие антибюрократические силы и своей половинчатостью способствовало переходу некоторых значимых составных частей революционных сил в состояние пассивности.

В связи с этим чрезвычайно важным лидеры ЧДДС считали создание в стране “второго полюса”, поллярного “режиму нормализации”, т.е. формирование “укоренившегося внутри страны движения, непосредственно связанного с насущными ее проблемами”, которое “не станет встраиваться в режим, не смирился с ним, а целенаправленно и на новых основаниях будет добиваться его поражения”. “Мы, – подчеркивается в программе, – пришли к единому мнению: именно такая радикальная борьба с режимом является нашей главной общей целью. Мы стремимся к свержению режима, а ни в коей мере не к его сохранению в каком-либо улучшенном, “демократизированном” виде”.

Как же планировалось социалистами достижение этой цели? Устранить пришедший к власти в апреле 1969 г. режим, по мысли авторов документа, можно было только преодолением раскола социалистического движения в Чехословакии, объединением раздробленных сил социалистической ориентации. Решение этой сложнейшей сверхзадачи планировалось возложить на “политическое движение”, позиционировавшее себя “новым” как в организационном, так и в идейном отношениях. “Нынешний тоталитарный режим, – говорится в документе, – нельзя победить иными средствами, кроме революционного выступления организационно объединенного, дееспособного движения, представленного новой, нетрадиционной политической формацией”. Этот “новый авангард”, рабочее название которого “Чехословацкое движение за демократический социализм”, должен “интегрировать все эмансипировавшиеся прогрессивные силы, заинтересованные в подобного рода тесном сотрудничестве. Разумеется, в силу своего различного генезиса они будут отличаться от традиционных политических течений, но смогут принять единую систему ценностей и заранее сформулированную рамочную, актуальную программу”. Именно поэтому интеграция и постепенное преодоление перешедшего в наследство раскола социалистической оппозиции, как полагали лидеры ЧДДС, являлись “более приемлемым путем, нежели надежды на возрождение столь сильно дискредитировавшей себя коммунистической партии, равно как и на возрождение в нынешних условиях не функционировавших в течение десятилетий других партий, а тем более на их взаимное сотрудничество!” [19, s.383]. Таким образом, если говорить об организационной стороне вопроса, то данные и другие положения документа пронизывает убеждение его составителей в эффективности именно “движения”, а также пафос отрицания партийного компонента в политической жизни Чехословакии.

*Текст программы опубликован в: [19, s.378-396].

Не менее важной считалась разработка идейных основ “нового политического движения”, которой целиком посвящен второй, на мой взгляд, самый интересный раздел “Малой программы ЧДДС” “К вопросу об общих программных целях” (как и первый раздел, он также состоит из семи частей). В форме декларативных тезисов в нем представлены программные установки, которые составляют содержание рамочное “идейное” соглашение чехословацкой социалистической оппозиции: рамочное “идейное” соглашение; суверенитет и нейтралитет государства; внешнеполитические отношения (с разбивкой на следующие параграфы: социалистические страны; Германия; центральноевропейская солидарность; отношение нового авангарда к другим зарубежным организациям); новая культурная ориентация, христианство в демократическом обществе; социализм; политическая демократия (содержит параграфы: гражданские права и свободы; парламентская демократия и контроль над властью; отношение политических партий к другим организациям).

Заданный объем статьи не позволяет остановиться детально на анализе всех частей второго раздела, ограничимся поэтому некоторыми его принципиальными моментами [16, с.248-251; 20, с.64]. Это в первую очередь трактовки ЧДДС социализма, которые содержатся в части с аналогичным названием – “Социализм”. В ней выделены следующие параграфы: социализм – демократия во всех сферах; равенство условий и социальная защита; национализация; принятие совместных решений – самоуправление – профсоюзы; эффективность экономики. “Нас, – говорится в программе, – отличает от несоциалистических политических течений намерение добиваться реализации демократических принципов не только в сфере политической системы, но и в общественной жизни в целом. Демократия для нас не прерывается перед воротами заводов: она должна проводиться в жизнь повсюду там, где трудящийся создает материальные и духовные ценности современной цивилизации”. И далее: “Следовательно, социализм – это в первую очередь этический взгляд на человека и на современный мир. К исторической перспективе социализма можно приближаться реализацией преобразований и радикальных реформ, практического выражения которых следует всегда добиваться при участии всех людей доброй воли, всех политических и иных организаций, которые стремятся к той же цели. При этом тогда и только тогда, когда то или иное практическое мероприятие получит существенную поддержку большинства населения, выраженную демократическим механизмом парламентского государства” [19, с.393-394]. Тем самым, в отличие от бывших коммунистов-реформаторов из СДЧГ, социализм для брненских социалистов не являлся идеологией или закрытым общественным строем [19, с.376].

Социализм, читаем в документе, “это перманентное стремление к такому устройству общественной жизни, которое создает оптимальный простор для наиболее полного развития человеческой личности. Данной цели должны быть подчинены все факторы, регулирующие политические, экономические, социальные, психологические и культурные условия самореализации – говоря словами Маркса – цельного человека” [19, с.393].

Нужно подчеркнуть, что данный дискурс, как и позиция Кундеры, созвучны размышлениям известного чешского философа, впоследствии одного из первых спикеров Хартии 77, Яна Паточки. В своем выступлении 28 октября 1968 г., посвященном национальной программе, он отмечал: чехословацкое движение за обновление общества являлось “путем назад – к первоначальному смыслу социализма как освобождения человека”. По его утверждению, в Чехословакии в период Пражской весны “произошло нечто исторически важное”. Как уточняет Я. Шабата, речь шла о “*появлении идеи* [курсив мой – Э.З.], которая является вкладом в стремление всего нынешнего человечества и путеводителем для возможного будущего...” [21]. “Чешский народ, – по словам Паточки, – сделал решительный шаг вперед в своем нынешнем историческом положении”. Паточка призывал “придерживаться и в сложных обстоятельствах” идеи, которая этот шаг сделала возможным. Лишь это, по его убеждению, может “сохранять и углублять духовную жизнь народа” [22, с.34-40].

В “Малой программе действий ЧДДС” отмечены факты “плюрализма” оппозиции, обобщены “итоги дискуссий ряда инициативных групп, социалистический характер которых имеет различный генезис: наряду с базовыми марксистскими установками, чешским социализмом масариковской ориентации здесь имеет место и мотивированный христианством социализм”. Вместе с тем новое движение, как подчеркивается в документе, не стремится к объединению всех “по примерному образцу”. “Пусть каждый, – подчеркивается в программе, – имеет и сохранит свой собственный облик, состоящий из любого – хорошего и плохого – прошлого, а также всеобъемлющего – не закрытого раз и навсегда, а постоянно уточняющегося – познания. Интеграция на такой основе, то “единство в многообразии”, как его формулируют итальянские коммунисты, нельзя назвать слабой стороной чехословацкой социалистической оппозиции. Не исключено, что именно это могло бы придать интеграции исключительную силу и явилось, быть может, самой большой надеждой” [19, с.385].

Показательной, на мой взгляд, является ссылка брненских социалистов на идеи итальянских коммунистов именно в период, когда в Европе набирал силу еврокоммунизм. Это свидетельство, во-первых, того, что они не пребывали в некоем идейно-теоретическом идеологическом вакууме, чего фанатично добивался режим. Даже в условиях, когда идеи итальянских коммунистов, которые в рассматриваемый нами период еще не называли себя еврокоммунистами, квалифицировались в большинстве стран социалистической системы и в первую очередь в СССР как правый оппортунизм.

Во-вторых, брненские социалисты в условиях жесткого идеологического прессинга “режима нормализации” пытались придать социализму второе дыхание с ориентацией на установки одного из идеологи-

ческих оплотов еврокоммунизма – Итальянскую коммунистическую партию – не только, так сказать, гипотетически, на подсознательном уровне, но и практически, т.е. внедряя их в свои программные документы. Сложно ответить на вопрос, планировала ли на тот момент ЧДДС принять в полном объеме идеологический дискурс оформлявшегося еврокоммунизма, но то, что в поисках выхода из тупика по ряду позиций она ориентировалась на ИКП, демонстрировавшую уже в рассматриваемый нами период мощный центристский тренд, сомнению не подлежит.

В “Малой программе действий ЧДДС” просматривается магистральный курс – попытка не только выйти из порочного круга “бюрократического социализма”, но и противопоставить ему принципиально иную модель. На эту модель оказывали влияние и другие идеи еврокоммунизма. Укажем на сходство некоторых их постулатов: представления об исторической обреченности капитализма и необходимости формирования нового общественного строя; неприятие концепции партии как лидера рабочего класса и интерпретатора его интересов; расширение представлений о социальной базе нового строя; концепция многообразных форм собственности; развитие самоуправления как инструмента преодоления бюрократизации и др.

Идеологическая близость еврокоммунизма и социализма с человеческим лицом предполагала интенсификацию и политических связей между приверженцами этих идей и могла дать новое дыхание демократическому социализму. Однако события развивались по такому сценарию, когда данная линия принципиально не могла получить своего развития.

В документе выражено понимание, что “для преодоления исторического раскола социалистического движения *во всемирном масштабе* [курсив в оригинале – Э.З.] еще не созрели все необходимые условия. Но, на наш взгляд, тенденция к нему и осознание необходимости его преодоления не подлежат сомнению и многие импульсы в данном направлении обретают под собой почву. Эти импульсы особенно сильны именно в центральной и восточной Европе. А для Чехословакии, которая находится не за рамками реалий развития и фаз данного глубинного спора, достижение единства социалистического движения, так или иначе ведущего борьбу за демократическое и гуманистическое содержание социалистической практики, является велением времени” [19, s.385].

Обращает на себя внимание в качестве своеобразной переклички с изложенными выше мыслями М. Кундеры следующий фрагмент “Малой программы действий ЧДДС”: “Мы полагаем, что наш опыт является исключительным условием прогрессивного решения. Нами пройдены несколько десятилетий, в ходе которых стала очевидной вся бессмысленность и трагедия раскола, когда борьба за социализм приобрела однозначно иную форму. Если нам удастся точно обобщить весь этот опыт и сделать соответствующие – а именно: нетрадиционные и радикальные – выводы, то в этом случае *даже наше сегодняшнее безотрадное положение превратится в историческое преимущество* [курсив мой – Э.З.]” [19, s.385].

В заключительной части программы “К некоторым вопросам организации и тактики” отмечалось, что процесс формирования действительно “нового политического движения” будет тем успешнее, чем больший вклад внесут инициативные группы и чем больше сами они “будут превращаться в открытое в мировоззренческом отношении, недоктринальное объединение активных людей” [19, s.396]. Надо заметить, что если предшествующее положение документа в большей мере соотносилось с тогдашними идейными установками Кундеры, то данное ближе к таковым Гавела.

Чешский историк И. Пернес справедливо обнаружил в программе ЧДДС определенный поворот от социалистических ценностей к ценностям плюралистической демократии [23]. Однако дальше разработки программы дело не пошло, конкретная деятельность ЧДДС вплоть до ее разгрома ограничивалась распространением материалов оппозиционного содержания и эмигрантских изданий. Главная цель, которую ставили перед собой социалисты – оказать влияние на общество и получить его поддержку.

В целом за короткий отрезок времени (вторая половина 1969 г. – конец 1972 г.) на оппозицию всех видов трижды обрушивались мощные репрессии, вряд ли соразмерные с возможным ущербом от их деятельности. Так, 47 человек, которые в июле-августе 1972 г. предстали перед судом, были осуждены в общей сложности на 118 лет лишения свободы.

Но более важно другое: “режим нормализации” избрал политическую стратегию, которая оказалась способной вытеснить социалистические иллюзии, а то и любые иллюзии – почти до состояния политической анемии. Это – ставка на потребительство даже ценой замедления темпов экономического роста. Образовались контуры некоего “общественного договора”: если общество удовлетворяется растущими претензиями материального порядка, то это достигается ценой отказа от политической активности.

Итог этой “стерилизации” – отождествление любого “ненормализаторского” социализма с социальной деструктивностью и даже идеологической диверсией и его насильственный вывод с политического и идейного поля чехословацкого оппозиционного движения.

Следует особо подчеркнуть, что основная часть политических процессов в русле нормализации проходила после XIV съезда КПЧ (май 1971 г.) и выборов в представительные органы в ноябре 1971 г. Они, по утверждениям официальной пропаганды, явились выражением единства коммунистической партии, ее руководства и общества. Трагичным для оппозиции было то, что, хотя итоги выборов и могли быть сфальсифицированы, все же в целом они подтвердили: большая часть чехословацкого общества постепенно приспособилась к новым условиям. Она жила при реалиях социализма, не заботясь особо об идеалах социализма – даже “с человеческим лицом”. Цель политических процессов – сломить любое сопротивление

ние, вызвать страх у населения и окончательно покончить с оппозицией – была практически достигнута: преследованиям ведь подверглись в первую очередь бывшие “свои” и сравнительно небольшая часть “чужих”, то есть некоммунистов.

Политические процессы и дальнейшие преследования должны были также не допустить сотрудничества внутреннего оппозиционного движения и политически активной эмиграции. Во многом отсюда происходит несоразмерность “преступления” (выпуск листовок, манифестов, заявлений и пр.) и наказания (большие тюремные сроки). Тревожил власть и новый виток становления радикальных левых в Чехословакии, основной составной частью которой стали студенты, испытывавшие влияние “новых левых” на Западе.

Прошедшие летом 1972 г. в Чехословакии судебные процессы подвели черту под периодом не только идеологических дискуссий “без берегов”, но и нелегальной деятельности организованных структур оппозиции. Собственно, с этого момента можно говорить о начале нового этапа в истории чехословацкого оппозиционного движения. Он связан с отходом от нелегальных форм политического протеста и поиском новой протестной активности, связанной с появлением диссидентской его составляющей в ответ на ужесточившуюся реакцию властей. Идеи Кундеры и Гавела, звучавшие в их полемике, получили в связи с этим и новые интерпретации.

После 1972 г., когда остаточные явления оппозиции были ликвидированы в ходе репрессий (хотя и не столь жестоких как при Сталине), наступил жесткий идеологический прессинг. Однако уже в 1973 году в Европе начинаются интенсивные процессы разрядки, связанные, в частности, с Совещанием по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ), продолжавшиеся вплоть до принятия Заключительного акта в 1975 г. в Хельсинки. В силу этого протестное движение в Чехословакии стало получать мощную поддержку извне.

Естественно, оно носило не только социалистическую направленность, даже несмотря на то, что партии соответствующей ориентации доминировали в политической жизни стран Западной Европы. Более того, оно зачастую характеризовалось демонстративным отсутствием любой идеологической окраски, а его носители начали активнее выступать за права человека на основе существующих в Чехословакии законов. Примечательно, что одним из важнейших пунктов переговорного процесса в рамках СБСЕ был как раз статус прав человека, а это значит, что протестному движению пришла мощная поддержка из-за рубежа.

Борцы за эти права и западные СМИ акцентировали внимание на невыносимых условиях жизни интеллигентов в ЧССР, объявляемых главными врагами правящего в стране режима, к которым явно применялась лишь политика “кнута”. Политика же весомого “пряника”, которая проводилась по отношению к многим слоям чехословацкого общества, ими как бы не замечалась. По мнению лидеров КПЧ, такая политика якобы привела страну к чаемой стабилизации, но протестные голоса утверждали, что подобная “нормализация” опирается на шаткую основу.

“Режим нормализации” в какой-то степени мог чувствовать удовлетворение: репрессии хотя бы частично достигли своей цели. Организованной оппозиции – даже в полулегальных и нелегальных формах – в стране как будто не было, в идейная полемика заглохла.

Однако для создававших режим “идеологической Биафры”*, как часто бывает в истории, “враг” начал появляться и там, где его не ожидали. Вспоминание в пятилетие с 1973 по 1976 гг., на первый взгляд, не позволяло обнаружить и малых признаков политической жизни, а тем более объяснить, откуда взялась Хартия 77. А они были, и оппозиция, отказавшись от старых форм противостояния правящему режиму, обретала новые.

Расправа с социалистической оппозицией в 1971-1972 гг. и последующая ее дезинтеграция привели к тому, что она стала терять статус ведущей силы в борьбе против “режима нормализации”. В последующие годы появляются новые формы антинормализационного движения (диссидентство), вылившегося впоследствии в Хартию-77.

Возвращаясь же к полемике конца 1960-х годов Кундера-Гавел, следует подчеркнуть, что в ней в целом были закодированы исходные точки идейного разлома чехословацкого оппозиционного движения в

---

*За 5 лет до этого в Нигерии возникли волнения с целью создания на востоке страны Республики Биафра. В течение трехлетнего их жестокого подавления погибли миллионы граждан, а словом “Биафра” с того времени обозначалась политика ничем не сдерживаемых репрессий. Вспоминались и сталинские чистки – на фоне мнимого “народного единства”. Правда, западной общественности, у которой еще далеко не прошло очарование Пражской весной, данная ситуация казалась в чем-то преувеличенно катастрофичной, однако метафора возвращения сталинизма при этом извлекалась на свет все реже. Активнее начало использоваться данное французским писателем Л. Арагоном (1897-1982) – сюрреалистом, а затем последователем коммунистической идеи, отвергнувшим ее после оккупации Чехословакии в 1968 г. – определение “Биафры духа” в ЧССР. Выражение “Биафра духа” впервые прозвучало из уст Арагона для описания гонений в Чехословакии, обрушивавшихся на инакомыслящих и ведущих к полной изоляции от общества всех интеллигентов, не согласных с политикой КПЧ в 1972 г. На Западе после серии открытых писем активно использовалась и метафора западногерманского писателя Г. Бёлля о том, что современная интеллектуальная жизнь в Чехословакии является “кладбищем культуры”. Своими симпатиями к оппозиционно настроенным деятелям культуры ЧССР отличался и известный американский драматург А. Миллер. И все же наиболее удачной оказалась метафора “Биафры духа”. Она звучала в зарубежных радиопередачах, возникала на страницах газет, обсуждалась на встречах интеллигенции. Подробнее см.: [1, с. 138-158].

дальнейшем, когда наметился переход к новым формам протеста – диссидентству с его “неполитической политикой”.

Источники и литература

1. Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – ноябрь 1989 гг. – М., 2008.
2. Literární noviny. – 2008. – Leden-prosinec.
3. Kundera M. Český úděl // Literární noviny. – 2007. – 27.XII (впервые опубликовано в: Listy. 1968. – Č. 7-8).
4. Havel V. Český úděl? // Literární noviny. – 2007. – 27.XII (впервые опубликовано в: Dnešek. – 1969. – Č. 1; Tvář. – 1969. – Č. 4; Host do domu. – 1968-1969. – Č. 15).
5. Kundera M. Radikalismus a exhibicionismus // Literární noviny. – 2007. – 27.XII (впервые опубликовано в: Host do domu. – 1968-1969. – Č. 15).
6. Bárta M. Reformní hnutí a Pražské jaro // Literární noviny. – 2008. – 14.IV.
7. Kosík K. Váha slov // Literární noviny. – 2008. – 28.I (впервые опубликовано в: Plamen. – 1969).
8. Otáhal M. Opozice, moc, společnost. Příspěvek k dějinám “normalizace”. – Praha, 1994.
9. Otáhal M. K některým otázkám dějin tak zvané normalizace v českých zemích // Za svobodu a demokracii. Odpor proti komunistické moci. – Praha, 1999.
10. Masaryk T.G. Karel Havlíček, Jan Laichter. – Praha, 1920.
11. Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe the Czechoslovak example. – London, 1976.
12. Tůma O. a kol. Srpen'69. Edice dokumentů. – Praha, 1996.
13. Felcman O. Počátky ostré etapy normalizace // Československo roku 1968. – D. 2. Počátky normalizace. – Praha, 1993.
14. Tůma O. Protorežimní opozice v Československu 1969-1989 // Sedmdesátá a osmdesátá léta v československých a světových dějinách. – Praha, 2004.
15. Pažout J. Mocným navzdory. Studentské hnutí v šedesátých letech 20. století. – Praha, 2008.
16. Задорожнюк Э.Г. Социализм против социализма: феномен чехословацкой оппозиции после поражения Пражской весны. Апрель 1969 г. – декабрь 1972 г. // 1968 – четырдесят година после. Сборник радова. – Београд, 2008.
17. Malý akční program socialistické opozice (Socialistického hnutí československých občanů. Třetí verze z února 1971.
18. Pelikán J. Sozialistische Opposition in der CSSR: Analyse und Dokumente des Widerstands seit dem Prager Frühling. Frankfurt a. – M., Köln, 1974.
19. Otáhal M. Malý akční program Československého hnutí za demokratický socialismus // Soudobé dějiny. – 1995. – №2-3.
20. Otáhal M. Česká společnost na počátku tzv. normalizace // Pět studií k dějinám české společnosti po roce 1945. – Praha, 2008.
21. Šabata J. O české otázce po Masarykovi // Literární noviny. – 2008. – 7.I.
22. Patočka J. Náš národní program a dnešek // Náš národní program. – Praha, 1990.
23. Pernes J. Od demokratického socialismu k demokracii. Nekomunistická socialistická opozice v Brně v letech 1968-1972. – Brno, 1999.

Задорожнюк Е. Г. Про пошуки альтернатив розвитку чехословацького суспільства після поразки Празької весни

У статті простежена ідейна боротьба в Чехословаччині після поразки Празької весни. Проаналізовано феномен чехословацького опозиційного руху після серпня 1968 р. і визначено вектори його ідейних розламів. Клініч соціалістів-нормалізаторів і опозиціонерів – прихильників ідеї “соціалізму з людським обличчям” – спонукував шукати нові форми протесту вже не в рамках соціалістичної парадигми, а в контексті дисидентського руху з його “неполітичною політикою”.

Ключові слова: Празька весна, “соціалізм із людським обличчям”, “режим нормалізації”, опозиційний рух, диссидентство, “неполітична політика”, плюралізм, єврокомунізм.

Zadorozhnyuk E. G. In search of alternatives for Czech society development after the defeat of “Prague Spring”

The article traces the ideological struggle in Czechoslovak republic after the defeat of “Prague Spring”. The phenomenon of Czechoslovak oppositional movement after August 1968 has been analysed, the vectors of its ideological splits have been defined. The clinch of socialists-normalisers and the oppositionists – supporters of the idea of “humanised socialism” – promoted further search of protest forms not in the frames of socialistic paradigm, but in the context of dissident movement with its “non-political politics”.

Keywords: Prague Spring, “humanised socialism”, “normalisation regime”, oppositional movement, dissidents, “non-political politics”, pluralism, European communism.